

Covenant & Conversation

Jonathan Sacks
THE RABBI SACKS LEGACY

БЕСЕДЫ О НЕДЕЛЬНЫХ ГЛАВАХ ТОРЫ

НА ОСНОВЕ НАСТАВЛЕНИЙ И СТАТЕЙ

РАББИ ЛОРДА ДЖОНАТАНА САКСА, ДА БУДЕТ БЛАГОСЛОВЕННА ПАМЯТЬ О ПРАВЕДНИКЕ

Благодарим семью Шиммель за щедрую спонсорскую поддержку цикла Covenant & Conversation, посвященного памяти Гарри (Хаима) Шиммеля. «Я влюбился в Тору рабби Хаима Шиммеля, едва она впервые попала мне в руки. Ее цель - поведать не только о той истине, которая лежит на поверхности, но и о ее взаимосвязи с более глубокой, заветной истиной. Он и его замечательная жена Анна, прожившие вместе 60 лет, вместе построили жизнь, которая была посвящена любви - любви к семье, к общине и к Торе Эта необыкновенная супружеская пара неизмеримо растрогала меня, подавая пример того, как нужно жить.» – Рабби Сакс

ЦАВ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО СВЕТЛАНЫ СИЛАКОВОЙ

Иудаизм левополушарный и правополушарный

Обычай читать вместе с соответствующим разделом Торы афтару, то есть отрывок из книг пророков, практикуется издавна, никак не менее 2 тыс. лет. Ученым доподлинно неизвестно, когда, где и по каким причинам было установлено чтение афтары.

По одной из версий, это произошло во II веке до н. э., когда Антиох IV попытался искоренить еврейские обряды, а евреи в ответ подняли восстание (в память о нем мы празднуем Хануку). Традиция сообщает, что в те времена воспрещалось читать Тору публично. Поэтому мудрецы Талмуда установили чтение отрывка из книг пророков, тема которого напоминала бы людям о содержании недельной главы Торы.

По другой версии, чтение афтары ввели в обиход, чтобы опротестовать взгляды самаритян, а позднее саддукеев. Дело в том, что самаритяне и саддукеи не признавали авторитет книг пророков, кроме книги Йеошуа.

В любом случае существование афтарот в первые века новой эры подтверждено. В раннехристианских текстах еврейские обряды описываются выражением «Закон

и Пророки». Это неявно свидетельствует, что Тора (Закон) и афтара (Пророки) сопутствовали друг другу и отрывки из этих книг читались вместе. Во многих ранних мидрашах устанавливается связь стихов Торы со стихами афтары. Значит, сочетать такие отрывки принято издревле.

Во многих случаях связь недельной главы Торы с афтарой проста и очевидна. Но иногда выбор отрывка из книг пророков проясняет, какую именно мысль мудрецы Талмуда считали ключевой в данной недельной главе.

Рассмотрим «Бешалах». В центре этой недельной главы рассказ о том, как Тростниковое море разделилось и сыны Израиля перешли его посуху. Это величайшее чудо из всех, описанных в Торе. У эпизода есть очевидная историческая параллель — в книге Йеошуа.

Воды реки Иордан разделились, чтобы сыны Израиля смогли перейти посуху: «...Вода, текущая с верховьев Иордана, остановилась и встала сплошной стеной <...> И священники, несшие Ковчег Завета Господня, стояли на высохшем месте посреди Иордана твердо. Весь Израиль переходил

реку посуху, и весь народ завершил переход через Иордан» (Йеошуа, 3:16–17).

Казалось бы, вот самая подходящая афтара к «Бешалах». Но вместо этого отрывка выбран другой. Мудрецы Талмуда предпочли песнь Дворы из книги Шофтим. Отсюда мы можем сделать существенный вывод: с точки зрения традиции, важнейшее событие «Бешалах» – не разделение моря, а песнь, которую спели тогда сыны Израиля, их общая песнь, выражавшая ликование и веру.

Это убедительно свидетельствует, что Тора – не книга о Б-ге, написанная человечеством, а книга о человечестве, написанная Б-гом. Будь Тора нашей книгой о Б-ге, в ней подчеркивалось бы чудо, которое совершил Г-сподь. Но в ней акцентируется другое – реакция людей на чудо.

Итак, выбор афтары много говорит нам о том, что именно мудрецы Талмуда считали главной темой соответствующей недельной главы. Но в некоторых случаях выбор афтары кажется настолько странным, что хочется назвать его парадоксальным: суть афтары, казалось бы, опровергает суть недельной главы, вместо того чтобы подтверждать.

Один из классических примеров – афтара, читаемая утром на Йом Кипур, отрывок из Йешаяу, 58, один из самых ошеломляющих отрывков в книгах пророков: «Таков ли должен быть тот пост, который избрал Я, – день, когда смиряет человек душу свою? <...> Это ли зовешь ты постом и днем, угодным Б-гу? Разве такой пост избрал Я? Оковы нечестия разреши, расторгни узы ига и освободи угнетенных; ярмо всякое сорвите! Не следует ли тебе разделить с голодным хлеб свой и бедных скитальцев ввести в дом? Когда увидишь нагого, одень его и от родни своей не скрывайся» (Йешаяу, 58:5–7).

Мысль выражена недвусмысленно. Заповеди, касающиеся наших отношений с Б-гом, неотделимы от заповедей, которые касаются наших отношений с нашими братьями-людьми. Бесполезно поститься, если ты не проявляешь справедливости и милосердия к людям, своим братьям. Не рассчитывай, что Б-г тебя возлюбит, если твои поступки не проникнуты любовью к другим людям. Мысль кристально ясная.

Но при публичном чтении на Йом Кипур, сразу после отрывка из Торы о служении первосвященника в этот день и в сочетании с заповедью «смирятье свои души»¹, этот отрывок вносит резкий диссонанс, на грани разлада. Тора велит нам поститься, каяться и очищаться, а пророк говорит нам, что все это окажется напрасным, если мы не займемся благотворительностью или хотя бы не постараемся проявить почтительность к другим. Казалось бы, здесь голоса Торы и афтары звучат вразнобой.

Другой пример – афтара к нашей недельной главе. «Цав» посвящена разновидностям жертвоприношений. А затем мы читаем афтару, где есть крайне озадачивающие слова Ир-меяу: «Ибо не говорил Я отцам вашим и не давал заповедей им, когда вывел их из земли Египетской, касательно всеожжений и (других) жертвоприношений; но вот что Я заповедал им: “Внимайте голосу Моему, и Я буду Б-гом вашим, а вы – народом Моим; и следуйте только тем путем, который Я указал вам, чтобы вам благоденствовать”» (Ирмеяу, 7:22–23).

Казалось бы, из слов пророка следует: первоначальный замысел Б-га не предусматривал, что сыны Израиля должны совершать жертвоприношения. То есть афтара, кажется, опровергает самую суть недельной главы.

¹ Ваикра, 16:29.

Что значит эта неувязка? Простейшее толкование гласит, что на самом деле фраза из афтары означает: «Я дал им заповеди не только касательно всесождений и (других) жертвоприношений». То есть Я заповедал жертвоприношения, но эти заповеди — далеко не весь закон и даже не его первостепенная задача.

Второе толкование — точка зрения Маймонида, известная своей спорностью. На взгляд Маймонида, будь мир идеальным, Б-г не желал бы, чтобы совершались жертвоприношения. Б-гу желанна авода, то есть Он хотел, чтобы сыны Израиля поклонялись Ему. Но они привыкли видеть религиозные обряды, характерные для Древнего мира, их умы пока не созрели для понятия «авода шебалеv» («служение сердца»), то есть молитва. Им привычно было видеть обычаи Египта (и всех других народов тех времен), где под поклонением богам понималось жертвоприношение. Согласно этому толкованию, Ирмеяу хотел сказать, что в глазах Б-га жертвоприношения — «беди'авад», а не «лехатхила», уступка постфактум, а не явление, желанное Ему с самого начала.

Есть и третье толкование: вся череда событий со Шмот, 25 до Ваикра, 25 — меры, предпринятые в ответ на эпизод с золотым тельцом. Этот эпизод выразил страстную потребность народа. Он нуждался в том, чтобы Б-г пребывал близко, а не вдали, в стане, а не на горной вершине, чтобы к Нему мог обращаться каждый человек, а не только Моше, причем ежедневно, а не только в редкие мгновения чудес.

Именно эту потребность отражали Святылище, служение и жертвоприношения в нем. Святылище было домом Шхины, Б-жественного присутствия. Слово «шхина» — однокоренное слову «ш-х-н» («сосед»). Каждое жертвоприношение представляло

собой акт приближения к Б-гу. Кстати, на иврите «жертвоприношение» — «корбан», дословно «то, что принесено близко», «поднесено», «под-ношение».

Итак, в Святылище Б-г приблизился к народу, а народ, принося жертвы, приближался к Б-гу.

Первоначальный замысел Б-га был иным. Из книги Ирмеяу и обряда заключения завета в Шмот, 19–24 очевидно: Б-г намеревался стать верховным правителем и законодателем народа. Он должен был стать их царем, а не соседом. Пребывать вдали от них, а не рядом с ними (см. Шмот, 33:3). Народ должен был слушаться Его законов, но о том, чтобы народ регулярно приносил Ему жертвы, речь не шла. Б-г не нуждается в жертвоприношениях. Но Б-г откликнулся на желание народа, подобно тому как в эпизоде, когда люди заявили, что они больше не в состоянии слышать Его громовой голос с вершины Синая, Он сказал Моше: «Я слышал слова этого народа, который говорил с тобой. Они хорошо сказали» (Дварим, 5:25).

То, что приближает людей к Б-гу, имеет отношение к натуре самих людей, а не к Б-гу. Поэтому жертвоприношения появились не по первоначальному замыслу Б-га, а скорее в ответ на духовно-психологическую потребность сынов Израиля ощущать близость Б-жественного регулярно и предсказуемо.

Между этими афтарамы есть нечто общее: настойчивое подчеркивание нравственного аспекта иудаизма. В заключительном стихе афтары Ирмеяу говорит: «Я — Г-сподь, творящий милость, суд и правду на земле; только это желанно Мне» (Ирмеяу, 9:23). Это абсолютно ясно. По-настоящему неожиданно то, как мудрецы Талмуда составили пары из глав Торы и отрывков из книг пророков: выбрали тексты, которые колоссально разнятся между собой, словно принадлежат

разным вселенным, где даже законы притяжения не совпадают.

В этом величие иудаизма. Иудаизм — симфоническая поэма для хора, его партитура предполагает многоголосие. Иудаизм — нескончаемый спор разных точек зрения. Без детальных законов нет жертвоприношений. В библейскую эпоху без жертвоприношений невозможно приблизиться к Б-гу. Но если есть только жертвоприношения, а голос пророка не звучит, люди, возможно, будут служить Б-гу, одновременно тирана других людей, своих собратьев. Возможно, люди будут считать себя праведниками, хотя на деле они всего лишь ханжи.

Голос священников, который мы слышим в отрывках Торы, читаемых на Йом Кипур и в недельной главе «Цав», сообщает нам, что и как делать. А голос пророков объясняет нам, зачем. Голос священников и голос пророков — словно левое и правое полушария головного мозга. Воспринимать их одновременно — все равно что слышать звук из стереоколонок или видеть объемное изображение.

Таковы сложноустроенность и богатство иудаизма. В постбиблейскую эпоху это стереозвучание получило продолжение в форме двух разных голосов — алахи и агады.

Соедините голоса священника и пророка, и мы поймем, что обряд — тренировка этического поведения. Многократное совершение священных действий перестраивает мозг, перестраивает личность, переформатирует наше мировосприятие. По словам мудрецов, заповеди были даны, чтобы облагородить людей². Действия, совершаемые во внешнем мире, влияют на наш внутренний мир и наши переживания. Говоря словами из «Сефер а-хинух», «сердце следует за действием»³.

Полагаю, эта полифония Торы и афтары, голосов священника и пророка, — одно из лучших украшений иудаизма. Прислушиваясь к обоим голосам, мы понимаем, как и зачем действовать. Без «как» действия неуклюжи, без «зачем» поведение слепо. Священническая скрупулезность в деталях плюс пророческое видение дают в сумме духовное величие.

² Танхума, Шмини, 12. — *Примеч. авт.*

³ Сефер а-хинух, Бо, мицва 16. — *Примеч. авт.* Так в английском переводе. В русском: «Дела определяют стремления сердца». См.: Сефер а-хинух. Книга

наставления (Истолкование шестисот тринадцати заповедей Торы). М.: Книжники; Легаим, 2014. С. 81. — *Примеч. перев.*